

Саблин Иван

Гейдельбергский университет, докторант
ivan.sablin@gmail.com

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЧУКОТКИ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТИЗАЦИИ, 1919–1945 гг.

Государственная принадлежность

После продажи Аляски в 1867 г. коренные жители Берингоморского региона стали подданными двух различных стран. Государственная граница, однако, не нарушила традиционных связей, и контакты между номинальными иностранцами продолжились. После установления на Чукотке советской власти в 1921 г. местным жителям пришлось столкнуться с неблагоприятными последствиями собственной государственной принадлежности: контакты с «иностранцами» по ту сторону пролива, многие из которых были родственниками, приобрели ограниченный характер, а с началом холодной войны и вовсе прекратились. В школьных учебниках 1930-х гг. особое внимание уделялось охране границы, а все иностранцы фактически объявлялись потенциальными шпионами, вредителями и убийцами¹.

Советские власти пытались оправдать разделение и стремились создать новую идентификацию, основанную на идеологии и государственной принадлежности. В автобиографических текстах Рытхэу данный вопрос освещается, пожалуй, наиболее противоречиво, хотя само противоречие очевидно: как советский писатель Рытхэу не критиковал государственную политику и утверждал, что новая общность — советский народ — была успешно создана. После распада СССР на страницах его книг появилось более реалистичное описание ситуации: с одной стороны, практические выгоды от советской власти приветствовались местным населением, многие люди охотно отправляли детей в школы, обращались за медицинской помощью и находили базовые социалистические идеи вполне привлекательными; с другой стороны, насильственная коллективизация и борьба с шаманизмом, а также контраст между образом,

¹ *Вдовин И.С.* Букварь: Перевод с луораветланского (чукотского) языка. Л., 1938. С. 20.

рисуемым пропагандой, и реальностью вызывали у многих людей неприятие нового режима.

В довоенный период воображаемое советское сообщество время от времени давало о себе знать: так, во время просмотров кинофильмов о Гражданской войне появление на экране Красных всегда вызывало восторг и возгласы «наши!»; некоторые советские лидеры, например, маршал К.Е. Ворошилов, пользовались в среде коренного населения особой популярностью, а их портреты присутствовали во многих ярангах; новые государственные праздники и выборы, сопровождавшиеся употреблением алкоголя, также приветствовались².

В наибольшей степени, конечно, новая советская идентификация должна была артикулироваться в отношениях с американскими гражданами, и здесь официальной пропаганде не удалось создать контраст между советским «мы» и капиталистическими «другими». Рытхэу рассказывает, что молодой эскимос Ашкамакин, первый коммунист Чаплино, быстро адаптировался к новым ценностям и образу жизни, но при этом не порвал и со старыми отношениями. Будучи в гостях в Сивукаке (на острове Св. Лаврентия), он убедил местных жителей организовать колхоз. Реакция советского руководства на доклад об этом событии была предсказуемой: дабы избежать международного скандала, Ашкамакину велели держать это происшествие в секрете³. Даже если данная история является плодом авторского воображения, сам факт существования частых контактов между советскими и американскими подданными, в том числе убежденными сторонниками новой власти, подтверждается и другими источниками. Эскимосы из Сивукаки приезжали в Чаплино ежегодно на совместные празднования, танцевальные и спортивные соревнования, тогда как жители Чукотского полуострова (включая собственно И. Ашкамакина) посещали Сивукак и другие села на острове Св. Лаврентия, подолгу гостили там и даже переселялись насовсем. Взаимопомощь также была общим местом. Так, в конце 1920-х гг. сивукакцы спасли чаплинских охотников, унесенных в море, ухаживали за ними и через несколько месяцев сопроводили домой. Эти контакты и истории о более высоком уровне жизни в Сивукаке, где уже в начале 1920-х гг. имелось электричество, киноустановка

² Рытхэу Ю.С. Дорожный лексикон. СПб, 2011. С. 131, 197; Дьячков М.Д. Исповедь Тунтукаки // Современная проза Чукотки. М., 2006. С. 504; Советский Уэллен. 1941. 5 февраля; Вдовин И.С. Букварь: Перевод с луораветланского (чукотского) языка. С. 19–20.

³ Рытхэу Ю.С. Дорожный лексикон. С. 156–158.

и школа, скорее всего, не приветствовались советской властью, однако договор о безвизовых поездках коренных народов, подписанный в 1930-х гг., все же соблюдался⁴.

Государственное измерение идентификации подверглось серьезной проверке во время Второй мировой войны, когда США и СССР были союзниками, а контактам между аляскинскими и островными эскимосами и коренными жителями Чукотки не чинилось никаких препятствий. В своей советской автобиографии Рытхэу⁵ описывает приезд американских гостей в Уэлен:

Для нас, школьников, американские эскимосы были представителями иного мира, капиталистической Америки, которая хоть и была союзником в общей борьбе против Гитлера, но все же оставалась страной, где угнетался трудовой человек. <...> Уэленцы встречали гостей с достоинством. Никто не попросил даже щепотки табаку, женщины не выказали никакого любопытства к нарядам. <...> ...люди занимались одним делом, жили на одинаковой земле, но, оказывается, есть нечто значительное, что уже разделило жителей этой части планеты, несмотря на то, что они обличьем оставались похожими друг на друга и даже были родственниками. Война, которая шла за десятки тысяч километров отсюда, была войной советского народа, значит, и войной тех, кто жил на самой дальней окраине Страны Советов.

На основании представленной цитаты можно сделать вывод, что государственное измерение идентификации, чувство принадлежности к советскому народу вытеснило все прочие измерения уже к началу 1940-х гг. В своей постсоветской автобиографии, однако, Рытхэу описывает ту же самую встречу совершенно иначе. Уэленцы были восхищены длинными лодками, мощными двигателями, резиновой обувью и цветными козырьками американских эскимосов. От гостей пахло табаком и мятной жвачкой, которую гости жевали «на зависть» ребятишкам. Оказалось, что гостей интересует мореная моржовая кость, высоко ценившаяся на американском рынке, а потому уэленцы практически сразу приступили к «раскопкам» в местах захоронений. Найденные артефакты обменивались на табак, стальные иглы, пластиковые козырьки и жвачку. Во время войны «раскопки» и бартер с американцами продолжались, тогда как никакого разделения с американскими соседями не наблюда-

⁴ Пусть говорят наши старики: Рассказы азиатских эскимосов-юпик, записи 1975–1987 гг. М., 2000. С. 142–143, 235, 249–252.

⁵ Рытхэу Ю.С. Под сенью волшебной горы. Л., 1974. С 21–22.

лось⁶. По всей видимости, во время этой и последующих встреч советская идентификация вообще никак не артикулировалась. Отношение же властей к этим встречам, скорее всего, было негативным: в газетах не упоминается ни одного случая, хотя положительный образ американцев поддерживался в прессе на протяжении всей войны.

Отношение к войне, конечно, не было безразличным. Некоторые коренные жители Чукотки ушли добровольцами и принимали участие в боевых действиях. Обязательное участие в обороне страны носило массовый характер: охотники привлекались к военной подготовке, вынуждены были сдавать значительные нормы пушнины в Фонд обороны; женщины и дети, а также свободные от охоты мужчины в тяжелых условиях работали на строительстве аэродромов, где другие советские граждане далеко не всегда относились к ним как к равным⁷. Военная подготовка и пропаганда патриотизма были, впрочем, весьма эффективными, и многие молодые люди действительно хотели попасть на фронт и помочь стране⁸.

В послевоенный период создание советской общности базировалось на приравнивании всего советского к русскому: новая «советская культура» строилась на основе русской культуры, русский язык стал доминирующим, а языки коренных народов подвергались дискриминации. Из-за рубежа разница действительно отсутствовала — советские граждане за границей почти всегда именовались русскими — однако внутри страны ситуация была несколько сложнее. Действительно, большинство людей перешло на «русский» образ жизни, а сами слова «советский» и «русский» стали для коренных народов синонимами. Тем не менее коренные народы не чувствовали себя русскими и не рассматривались другими жителями СССР в качестве таковых. Объявление культур коренных народов «примитивными» создало у них своеобразный комплекс неполноценности, который поддерживался соответствующим отношением к ним со стороны значительной части населения страны. Даже к Рытхэу, как к чукче, некоторые коллеги относились с явным высокомерием⁹. Несмотря на то, что жители СССР часто действительно разделяли похожие мнения, сталкивались с одними и теми же проблемами и походи-

⁶ Рытхэу Ю.С. Дорожный лексикон. С. 29–30.

⁷ Рытхэу Ю.С. Дорожный лексикон. С. 11–19; Айвангу. Рассказы // Тропую Богораза: научные и литературные материалы. М., 2008. С. 153.

⁸ Омрувье И. Как их готовили к войне (<http://www.ks87.ru/site.xp/049049050124049049057056.html>).

⁹ Рытхэу Ю.С. Дорожный лексикон. С. 32–33, 286–288.

ли друг на друга в ежедневной жизни, а соответственно, чувствовали некоторую общность, проект построения единого советского народа провалился, по крайней мере на Чукотке. Государственное измерение идентификации было призвано уменьшить роль этнического измерения, однако для коренных народов оно привело лишь к разрушению традиционных профессиональных, религиозных и клановых идентификаций.

Место проживания

Региональные и локальные идентификации играли в жизни Чукотки начала XX в. важную роль. Помимо артикуляции собственной принадлежности к той или иной этнической и профессиональной группе, местные жители всегда связывали себя с определенной местностью или поселением. Особое значение локальное измерение идентификации имело для эскимосов. При встрече незнакомца его, как правило, спрашивали, откуда он, где он родился, из какого он поселка. Для эскимосов круг локальных идентификаций ограничивался несколькими крупными поселками, откуда происходил человек или его предки, и включал в себя по крайней мере следующие шесть: Чаплино, Кивак, Аван, Сиреники, Наукан и Сивукак¹⁰. Более того, место расположения жилища внутри поселения также имело значение и являлось основой принадлежности к той или иной пространственной группе (например, «восточные», «поперечные»)¹¹.

Коллективизация превратила каждый поселок в отдельный колхоз. Через формирование промысловых бригад не по семейному признаку коллективизация должна была заменить клановую идентификацию чувством принадлежности к тому или иному колхозу¹². Насколько существенными были успехи коллективизации в данной области в 1940-е гг., сказать сложно, однако локальное измерение идентификации также подверглось серьезному воздействию с ее стороны. Превращение поселков в колхозы не было всего лишь переименованием, как считал Рытхэу¹³. Колхозы, как базовая ячейка всего сельского хозяйства СССР, были призваны создать у коренного населения чувство принадлежности к советской экономике в целом, ко всему Советскому Союзу. Что касается коче-

¹⁰ Пусть говорят наши старики... С. 432–436.

¹¹ Айвангу. Рассказы. С. 146.

¹² Нильсен Б. Эскимосские морские зверобои Чукотки и смена политических режимов в России // Этнографическое обозрение. 2007. № 6. С. 159.

¹³ Рытхэу Ю.С. Дорожный лексикон. С. 153.

вых групп, то после коллективизации они во многом потеряли возможность свободного передвижения, будучи локализованными через тот или иной колхоз¹⁴.

Наиболее значительные и незаметные на первый взгляд изменения произошли в поселках, которые не были затронуты переименованиями и переселениями. В воспоминаниях Рытхэу, которые относятся в основном к концу 1930-х — началу 1940-х гг. локальная идентификация предстает в гораздо менее традиционном свете, чем в воспоминаниях информантов Крупника. Главным отличием локальной группы от традиционных профессиональных, религиозных и этнических групп является включение в нее и некоренного населения. Действительно, приезжие не могли быть признаны чукчами, не исповедовали традиционных религий и крайне редко становились морскими охотниками или оленеводами. При этом коллективный опыт и деятельность в рамках поселка Уэлен, формирующая локальную идентификацию уэленцев, никоим образом не запрещали распространять ее и на некоренное местное население. Так и в тексте Рытхэу¹⁵ все жители Уэлена именуется уэленцами.

Локальное измерение идентификации создается не только людьми, но и самим поселением. После начала коммерческой эксплуатации Северного морского пути в 1935 г. крупные суда стали важной частью пейзажа. Некоторые из них бросали якорь близ Уэлена, после чего на берег доставлялись топливо, оборудование, строительные материалы и, что самое главное, люди. Так, незадолго до начала Великой Отечественной войны сюда даже прибыл симфонический оркестр, исполнивший для уэленцев Первую симфонию Чайковского. Большая часть новых зданий и соответствующих институтов также прибыла в Уэлен морем: полярная станция с баней, маяк, пекарня, типография и несколько деревянных домиков. Вскоре большинство уэленцев ели белый хлеб, читали «Советский Уэлен», посещали баню и жили в деревянных домах¹⁶.

Хотя локальное измерение идентификации существовало у жителей Чукотки непрерывно на протяжении многих десятилетий и даже столетий, его содержание стало совершенно иным всего за двадцать лет. Этот сравнительно мягкий переход, не сопряженный с коренными преобразованиями вроде расселений и переименований и насилием, позволил в кратчайшие сроки перестроить идентификацию коренного населения

¹⁴ Дьячков М.Д. Исповедь Тунтукаки // Современная проза Чукотки. С. 476.

¹⁵ Рытхэу Ю.С. Дорожный лексикон. С. 13–15, 52–54, 383, 411, 472.

¹⁶ Рытхэу Ю.С. Под сенью волшебной горы. С. 15; Рытхэу Ю.С. Дорожный лексикон. С. 35, 61, 159–161, 210–211, 236–237, 416–418, 485.

Чукотки, сделав их поселения похожими на многие другие поселения СССР.

Итак, государственное измерение идентификации стало играть в жизни коренного населения значительную роль и проявлялось прежде всего в виде неблагоприятных последствий ограничения трансграничных контактов. Хотя многие жители Чукотки приняли новое мировоззрение и даже стали патриотами советского государства, создать контраст между советским «мы» и капиталистическими «другими» в первой половине XX в. правительству не удалось.

Наиболее радикальные изменения произошли в локальном измерении идентификации. Хотя названия многих поселков остались прежними, их внутреннее устройство значительно изменилось после появления целого ряда новых институтов, соответствующих видов деятельности и опыта. По набору институтов поселки Чукотки стали походить на другие населенные пункты СССР. Превращение же поселков в колхозы сделало их частью экономической системы страны.